

ГАВРА Дмитрий Петрович*

Культурно-образовательная элита в российских политических процессах

Об авторе:

Заведующий кафедрой теории коммуникации факультета журналистики. Профессор, доктор социологических наук. Окончил ЛГУ им. А. А. Жданова.

Постиндустриальное общество, движущей силой которого являются ценности, создаваемые знанием (knowledge-value society), автоматически предопределило место культурно-образовательной элиты в авангарде исторического процесса. Своим положением «элита знаний» (как ее охарактеризовал венгерский ученый Тамаш) обязана преимущественно тому, что представители данного элитного круга участвуют в создании системы символов, культурных ценностей и мифов, и тем самым **оказывают влияние на формирование идеологий** и, как следствие этого, на состояние общественного сознания.

В России темы, связанные с изучением культурно-образовательной элиты, приобретают особую актуальность и востребованность, что обусловлено не только эпохой постиндустриализма, но и необычной **исторической миссией «элиты знаний»**. Культурно-образовательная элита России всегда была и остается в центре всех общественно-политических преобразований. На протяжении мно-

гих столетий писатели, поэты, художники производили идеи, во многом определяющие судьбу России, ее исторический путь развития. Отсюда глубина и величие русской литературы, которая едва ли отделима от русской философии (в том числе и политической). Грани между двумя этими дисциплинами практически не существует, как и не существует практически никакой грани между влиятельными идеологами и великими писателями. Вспомним только Л. Толстого и движение его идейных последователей «толстовцев», романы Тургенева, носящие сугубо социально-политический характер, роман Чернышевского «Что делать?» и построенную им модель «идеального общества», громогласные поэмы Маяковского. И это лишь маленькая толика того, что составляет культурно-политическое наследие России.

Однако в различные периоды времени доля представителей культурно-образовательной элиты, участвующей в политических процессах, оказывалась неравномерной. Это наводит на мысль о

* Статья написана в соавторстве с Н. В. Чазовой и А. И. Носковым.

циркуляции культурно-образовательной элиты. Что собой представляет данная циркуляция, какие основные типы элит участвуют в политике — вот основные вопросы, на которые призвана ответить данная статья.

Вряд ли возможно для решения этих задач сделать обобщения относительно всех случаев политического **проявления культурного капитала** как такового, но вполне реально предложить идеально-типическую модель видов культурного капитала и проследить процесс «развертывания» их в поле политики. Другими словами, мы можем составить качественный профиль нескольких типичных случаев инсталляции культурного капитала в политическое пространство России и в результате построить модель типологизации культурно-образовательной элиты.

Подобная **типологизация** может быть построена исходя из различных критериев, положенных в ее основание: 1) функций культурно-образовательной элиты; 2) степени ее легитимности; 3) типов карьеры с исследованием социальных траекторий и т. д.

1. «Функциональная» модель типологии культурно-образовательной элиты.

Так, если положить в основание типологизации первый из вышеозначенных критериев, то сможем выделить несколько функциональных типов культурно-образовательной элиты:

а) культурно-образовательная элита как «законодатель моды».

В этом случае представители культурно-образовательной элиты выступают как создатели политических ценностей, норм, правил и установок, которые так или иначе со временем инкорпорируются в тело общества и не воспринимаются

им как чужеродные. Более того, «законодатели мод» **меняют видение мира, категории его восприятия и оценивания**. Их слова начинают «жить публичной жизнью», открывая новые грани политического пространства, которые до этих пор находились в тени. «Власть называть, в частности называть «неназываемое», — заметил французский ученый П. Бурдые, — то, что было ранее незамеченным или вытесненным, — огромная власть»¹.

«В этом случае **писатель**, — отмечает Р. Барт, — участвует в литературной деятельности точно так же, как в **первобытных обществах колдун** участвует в отправлении магических функций (производство, коммуникация, потребление)... на уровне которых лишь возможна история»². Таким образом, писатель участвует в создании истории, то есть, по сути дела, является ее творцом.

Вообще, мысль о том, что мир есть бесконечное творчество, — не нова. Этой идеей пронизана вся философия немецкого романтизма в целом и все произведение романтического модерниста Гельдерлина в частности. Политический мир (как часть целого) — не исключение. Каждый поэт, писатель, художник создает свой мир, основу которого составляют его ценностные установки. «...Эмоция, пробужденная в нас великим драматическим произведением, — напишет А. Бергсон, — единственная в своем роде, она родилась в душе поэта, и только там, прежде чем потрясти нашу душу»³.

Руководствуясь критериями «конформизма» и «нонконформизма», можно выделить два направления в развитии культурно-образовательной элиты как «законодательницы политической и околполитической моды»: «ground» и

¹ Бурдые П. Начала. М., 1994. С. 221.

² Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 219.

³ Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994, С. 49.

«underground». В этом случае тех, кто в своем творчестве придерживается определенных норм и правил, воспроизводя известные формы, можно было бы причислить к направлению «ground», и напротив, тех, кто ломает старые стереотипы и ищет новые формы — к «underground».

В этом смысле показательно движение «underground» в России в 80-е годы XX века. Именно тогда появляются такие «звезды», как Виктор Цой, Юрий Шевчук, Борис Гребенщиков, и именно в это время становится популярным писатель-нонконформист Эдуард Лимонов.

Сегодня же роль «законодателей мод» во многом играют известные журналисты. «Золотая пальмовая ветвь» перешла из рук поэтов, писателей, художников в руки производителей СМИ. Эта часть культурно-образовательной элиты не только имеет способности оказывать влияние на формирование политических ценностей, но и оснащена для этого всеми техническими средствами, так необходимыми в век технического прогресса.

Кроме того, к числу «законодателей мод» можно с полным правом причислить главных редакторов газет и журналов, художественных руководителей театров, директоров музеев, режиссеров и т. д. Все они являются «законодателями мод», поскольку выполняют функции продуцирования политических ценностей.

б) «ростовщический» тип культурно-образовательной элиты.

Другой тип функциональной модели можно охарактеризовать как «ростовщический», а самого представителя культурно-образовательной элиты, **обменивающего свой культурный капитал на политический**, — «ростовщиком».

Конечно, культурный капитал уникален, потому что неотчуждаем, — он всегда основан на индивидуальном и неповторимом опыте одного индивида. Его нельзя купить, продать, передать по наследству или проиграть в карты. Однако, поскольку это все же капитал, его можно конвертировать в другом пространстве. **«Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»** — так впервые гениально сформулировал принцип конвертируемости культурного капитала А. Пушкин. «В образе преуспевающего поэта возродился на Руси тип буржуа»⁴, — напишет много позже в книге «Конец стиля» Борис Парамонов (тоже, несомненно, ярчайший представитель ростовщического типа культурно-образовательной элиты России). «Сборник стихов тиражом в двести тысяч, поэтический вечер, собирающий стадион, — это и есть рынок. Как ни крути, а Евтушенко с Вознесенским в новейшей русской истории сыграли роль Форда в Америке: они создали феномен массового производства (Высоцкий же с его магнитными лентами — вообще теневая экономика, подпольный "левый цех")»⁵. Однако Парамонов не учитывает того факта, что сборник стихов тиражом в двести тысяч есть несомненный результат двойного конвертирования культурного капитала. И Евтушенко, и Вознесенский, и Высоцкий состоялись как политические фигуры в первую очередь благодаря своему творчеству. К ним относились как к производителям нового или даже антисоветского политического дискурса. Это могло стать реальностью только при определенных условиях, которые и сложились в это время в СССР. И именно это стало секретом столь ошеломительного успеха на рынке. **Идеи должны делать идеи, а следовательно, идеи должны делать деньги** — так, перефразируя А. Смита, можно описать

⁴ Парамонов Б. Конец стиля. М., 1997. С. 92.

⁵ Там же. С. 95.

принцип конвертируемости культурного капитала. Сначала «законодатели моды», затем «ростовщики».

Однако есть другие, более примитивные способы конвертации культурного капитала, когда люди, заслужившие в глазах общественности право называться культурно-образовательной элитой, просто «освящают» своим присутствием политический блок, партию или отдельного политического деятеля. Так, при формировании в 1999 году блоков «Отечество — Вся Россия» и «Единство» в списки были включены многие представители культурно-образовательной элиты, что, несомненно, отразилось на увеличении рейтинга обоих блоков и дало им возможность по праву называться лидирующими. Подобный **механизм «использования» культурного капитала** в ином пространстве политические технологии давно окрестили *testimonial*. Но все примеры ростовщичества на ниве культурного капитала носят индивидуальный характер. Но также можно выделить еще один подтип ростовщичества культурно-образовательной элиты — институциональный. Это происходит в тех случаях, когда человек, являющийся символом какого-либо института и аккумулирующий в себе весь культурный капитал, подчас многовековой, данного образования (например, ректор университета, главный режиссер театра и т. д.), поддерживает политическую партию или деятеля, тем самым персонифицируя наработанный многими десятилетиями культурный капитал учреждения.

Таким образом, представители культурно-образовательной элиты, присутствующие в политическом пространстве, но не исполняющие функций производителей политических ценностей, являются «ростовщиками».

в) культурно-образовательная элита как «архивариус» (когнитивный тип функциональной модели).

Следующий функциональный тип культурно-образовательной элиты можно окрестить «архивариусами» или «хранителями знания». Пожалуй, это первый и самый известный в истории цивилизации тип культурно-образовательной элиты. Прототипами здесь могут послужить жрецы Древнего Шумера, обладающие значительными знаниями в области математики и астрономии, и, как следствие этого, управляющие ирригационными системами, что, в свою очередь, давало им практически безграничную политическую власть.

В России в годы советской власти такими «жрецами» были П. Капица, Л. Ландау, А. Сахаров и т. д. — физики, «**хранители**» **сакрального знания**. Знания, недоступного многим другим, и поистине определяющего жизнь всего человечества.

Сегодня акценты расставлены несколько иначе. В авангарде находятся ученые-гуманитарии: экономисты, юристы, философы, психологи. Особенно это касается политологов и социологов (Георгий Сатаров, Лилия Шевцова, Юрий Левада и т. д.), которым приписывают «жреческие» способности — просчитывать восход и заход «светил» политического небосклона. Отсюда и многочисленные научные работы, посвященные проблемам манипуляций общественным сознанием. В этой связи имидж Глеба Павловского как человека, обладающего сакральными знаниями и умениями влиять на принятие политических решений многими тысячами людей, логично вписывается в данную функциональную типологическую схему изучения культурно-образовательной элиты России.

2. «Легитимистская» модель типологии культурно-образовательной элиты.

При рассмотрении первой, функциональной, модели невозможно не заметить некоторых типологических дифференциаций культурно-образовательной элиты, например по принципу легитим-

ности. Так, среди «законодателей мод» мы можем четко выделить два лагеря: «легитимизирующая» элита и «алегитимизирующая» или «контрлегитимизирующая».

Деятельность «легитимизирующей» элиты направлена на сохранение status quo, то есть на «консервирование» политических ценностей и идеалов легально существующего режима. В этой связи творчество Г. Александрова, создавшего «культовые» фильмы советского времени («Волга-Волга», «Светлый путь»); отчасти С. Эйзенштейна — создателя фильмов «Броненосец Потемкин», «Октябрь», многие стихи В. Маяковского, С. Есенина и т. д. — все это было направлено на продуцирование особого, «легального видения» мира, видения, всячески поддерживаемого и поощряемого правительством СССР.

С другой стороны, М. Зощенко и А. Ахматова, Н. Гумилев и А. Блок, Д. Мережковский и З. Гиппиус, В. Аксенов и А. Солженицын, И. Бродский и Б. Парамонов представляют собой эстетическую контрэлисту институциональной России (или мега-России — СССР), силу, способную противопоставить свой ценностный ряд, выстроить свою политическую картину мира, не укладывающуюся в узкие рамки идеолого-эстетической системы своего времени.

Здесь невозможно не отметить, что сама «контрлегитимизирующая» культурная элита, влияющая на поле политики, разделена на два лагеря: во-первых, тех, кто покинул «свой край глухой и грешный», и, во-вторых, — тех, кто «остался на Родине». И те и другие, несомненно, сохранили свои функциональные свойства «законодателей мод», однако интенсивность их влияния на умы неравнозначна. Конечно, при описании подобного рода влияния сложно опери-

ровать количественными категориями. Несомненно одно: число тех, кто читал А. Ахматову и переписывал песни В. Высоцкого, несоизмеримо больше, чем тех, кто слушал заглушаемое радио «Свобода» и был знаком с творчеством Б. Парамонова, А. Гениса и П. Вайля.

3. «Карьерная» модель типологии культурно-образовательной элиты.

Следующая модель типологии — «карьерная», позволяет проследить индивидуальную траекторию и очертить наиболее вероятный путь (пути) достижения интеллектуалами вершин политического Олимпа и, как следствие этого, рассмотреть скрытые механизмы процесса конвертации культурного капитала. Рассмотрение «карьерных» линий культурно-образовательной элиты России представляется наиболее важным этапом реализации исследования, поскольку именно индивидуальная траектория во многом определяет формирование политических ценностей и установок: «...Индивиды, занимающие сходные позиции, могут иметь различные мнения в зависимости от их социального происхождения и их индивидуальной траектории»⁶.

Существует множество различных моделей карьерных типов, достаточно полно описывающих варианты продвижения индивидов вверх по иерархической лестнице. Однако они лишь отчасти релевантны задаче нашего исследования, заключающейся в описании карьерных линий культурно-образовательной элиты и механизмов конвертирования культурного капитала в политическое пространство, поскольку все эти виды карьер рождены внутри иной сферы (экономической) и подчинены иным законам и обусловленностям.

Для описания карьерных типов индивидуальной динамики представителей культурно-образовательной элиты,

⁶ Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 146.

так или иначе вовлеченных в политическую сферу, требуется совсем другая модель, в полной мере отражающая и учитывающая особенности культурного капитала как продукта творческого процесса.

В этой связи предлагается следующая типология:

1. индивидуальная карьера;
2. кумулятивная (институциональная) карьера;
3. смешанная карьера.

Первый тип карьеры — «**индивидуальная карьера**». Это карьера тех, кто **заработал свой культурный капитал самостоятельно**, вне зависимости от каких-либо институтов или организаций, а только затем конвертировал некоторую его часть в политическую форму: писатели (поэты), актеры, музыканты, журналисты, художники и т. д. Подобного рода карьеру можно еще назвать «автономной», поскольку сам человек является носителем культурного капитала, который неотчуждаем от него (капитал и носитель представляют одно целое).

Реализация подобного рода карьеры, как правило, достигается **двумя способами: прямым и опосредованным**. При прямом способе реализации представитель культурно-образовательной элиты сразу после школы определяется в выборе своей профессии и поступает либо в консерваторию, либо в театральный институт, либо на филологический факультет института или факультет журналистики. В дальнейшем вся его карьера связана с выбранной профессией. Во многом подобная карьера напоминает «типичную» (слово едва ли применимое к описанию культурно-образовательной элиты, однако указывающее на реализацию таланта в одной сфере).

«Опосредованная» индивидуальная карьера характеризуется тем, что люди, обладающие культурным капиталом, не сразу приходят в «свою» профессию.

Они либо получают первоначально какое-либо иное образование, либо после школы устраиваются на низкоквалифицированную работу. И только спустя некоторое время находят свой путь.

Второй тип карьеры — «**кумулятивная**» (институциональная) **карьера**. Подобного рода карьеры сделали люди, **связанные тесными узами с какой-либо организацией**: театром, институтом, журналом. Это относится к художественным руководителям, главным редакторам газет или журналов, руководителям студий, ректорам институтов, директорам НИИ и т. д. «Кумулятивная» карьера предполагает, что весь объем культурного капитала учреждения инкорпорируется в образе одного человека, возглавляющего данную институцию. Другими словами, руководитель аккумулирует в себе весь культурный капитал, нарабатанный годами.

Третий тип карьеры — «**смешанная**». Этот тип объединяет два предыдущих. «Смешанная» карьера — это карьера тех, кто одновременно имеет свой культурный капитал и является представителем «коллективного» культурного капитала какого-либо института.

Суммируя все вышесказанное, следует отметить, что культурно-образовательная элита России представляет собой особый социальный конгломерат, вряд ли подпадающий под дефиницию классической социальной группы, скажем, в мертоновском ее варианте. Этот конгломерат обладает рядом специфических свойств и характеристик, превращающим его в феномен, выходящий за пределы простой арифметической суммы лиц из мира муз, влияющих на принятие значимых политических решений. Это **специфическое социальное образование** с развитой системой внутренних и внешних коммуникаций, основная особенность которого заключается в наличии несводимого к

другим типам ресурсного потенциала, значимого для политической сферы. Название этого ресурса — культурный капитал.

В ходе реализации своих практик в поле политики представители культурно-образовательной элиты превращают культурный капитал в политический. Это относится как к тем, кто **закрепил конвертацию культурного капитала** институционально (явные конвертеры), так и к тем, кто этого не сделал (латентные конвертеры). При этом для самого культурного капитала возможны как траектории инфляции, когда хождение в политику уменьшает символическую значимость эстетического лидера, так и траектории прироста за счет процессов обратной конвертации.

В свою очередь, варианты конвертации культурного капитала в политический обуславливают типы и функции культурно-образовательной элиты. Так, конвертация культурного капитала с целью трансформации политической модели мира приводит к появлению такого типа культурно-образовательной элиты, как «законодатели мод». В этом случае культурно-образовательная элита выполняет **функцию продуцирования политических ценностей**.

Использование представителями культурно-образовательной элиты своего культурного капитала ради поднятия престижа (статуса) какого-либо политического деятеля (или политической организации) порождает качественно иной тип элиты — «ростовщиков». В том же случае, когда культурный капитал конвертируется с целью влияния на принятие политических решений многих тысяч людей, образуется другой тип культурно-образовательной элиты — «архивариусы».

Причем необходимо заметить, что разные типы культурно-образовательной элиты появляются на авансцене политической жизни в разные периоды времени. Это наводит на мысль о **циркуляции культурно-образовательных элит**. Конечно, механизм циркуляции культурно-образовательных элит не повторяет прямо механизм циркуляции элит В. Парето. Чередование типов культурно-образовательной элиты напрямую зависит от состояния политической системы. Так, в период кризисов в политическом пространстве преобладают «законодатели мод», способные конструировать новые политические ценности, в период же стабильности авангард политической элиты составляют «ростовщики», выполняющие «промоутерскую» функцию. Что касается «архивариусов», то они в той или иной степени перманентно присутствуют в политическом пространстве в качестве «латентных конвертеров», выполняющих «легитимизирующую» функцию.

Соответственно **специфика** самого **культурного капитала**, являющегося всегда продуктом творчества, порождает особые функции, присущие только представителям культурно-образовательной элиты как обладателям данного вида капитала. Такая уникальность отражается и на индивидуальных траекториях культурно-образовательной элиты.

Таким образом, культурно-образовательная элита представляет собой гетерогенную социальную структуру, объединенную сходством личностных креативных социальных практик, выступивших в качестве механизма социального лифта. Члены этого социального образования в случае перехода в поле политики реализуют там свои практики путем явной или латентной конвертации культурного капитала.